
«Последний из могикан русской мысли»: Павел Сергеевич Попов о Густаве Густавовиче Шпете*

© 2021 г. А.И. Семенова

Независимый исследователь, Москва

E-mail: angelina-ia@yandex.ru

Поступила 14.01.2021

Статья актуализирует интеллектуальное наследие известного русского философа, литературоведа, переводчика Павла Сергеевича Попова (1892–1964), труды которого сохранились в семейном архиве. Она предваряет публикацию главы, посвященной Густаву Густавовичу Шпете, из неопубликованных мемуаров П.С. Попова «Образы былого. Воспоминания из университетских, гимназических и детских лет» (эту книгу П.С. Попов начал писать еще в 1920-е гг. и закончил в 1940-е гг.). Рукопись представляет прежде всего историко-философскую ценность, открывая для нас новые интересные страницы истории мысли в России первой половины XX в. Она позволяет нам по-новому посмотреть и на П.С. Попова, и на Г.Г. Шпета, уточняет нюансы взаимоотношений между философами того времени, подтверждает идейные и биографические предположения исследователей (например, о существовании машинописного варианта второго тома «Очерка развития русской философии» Г.Г. Шпета). Кроме того, благодаря этим воспоминаниям выявляются различные детали интеллектуальной жизни первой половины XX столетия (в том числе и внутренние идейные связи в Психологическом обществе, и интеллектуальная атмосфера «редактирования» шпетовского перевода книги Г.В.Ф. Гегеля «Феноменология духа», и др.). Опираясь на архивные материалы П.С. Попова, автор отстаивает мысль о существовании преемственной связи философии дореволюционной России и советского периода. Их связующим звеном, по мнению автора, является творчество университетских философов (причем именно того поколения, которое застало «прерывание» первой и формирование второй: Г.Г. Шпета, П.С. Попова, Б.А. Фохта, В.Ф. Асмуса и др.), поскольку университетский стиль мышления в принципе нацелен на сохранение и передачу исторического интеллектуального опыта поколений.

Ключевые слова: история русской философии первой половины XX в., воспоминания, П.С. Попов, Г.Г. Шпет, университетская философия, биографический метод.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-105-124

Цитирование: *Семенова А.И.* «Последний из могикан русской мысли»: Павел Сергеевич Попов о Густаве Густавовиче Шпете. *Попов П.С.* Шпет. Археографическая работа, примечания и публикация А.И. Семеновой // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 105–124.

* От всей души благодарю внучатого племянника П.С. Попова, Александра Михайловича Бокучаву за предоставление рукописей из архива П.С. Попова. Выражаю сердечную признательность Татьяне Геннадьевне Щедриной за поддержку исследовательских начинаний и неоценимую помощь в археографической, комментаторской работе и подготовке рукописи к публикации.

“The Last of the Mohicans of the Russian Thought”: Pavel S. Popov about Gustav G. Shpet

© 2021 Angelina I. Semenova

Independent Researcher, Moscow

E-mail: angelina-ia@yandex.ru

Received 14.01.2021

The article is devoted to the analysis of the intellectual heritage of the famous Russian philosopher, literary scholar and translator Sergeevich Popov (1892-1964), whose works have been preserved in his family archive. The article precedes the publication of the chapter on Gustav Gustavovich Shpet from Popov's unpublished memoirs *Images of the Past. Memories from university, gymnasium and childhood years* (P.S Popov began to write this book in the 1920s and finished in the 1940s). Popov's manuscript is primarily of historical and philosophical value, opening up new interesting pages for us in the history of domestic Russian thought in the first half of the 20th century. It allows to take a fresh look at both Popov and Shpet, clarifies the nuances of the relationship between philosophers of that time, confirms the ideological and biographical assumptions of researchers (for example, about the existence of a typewritten version of the second volume of Shpet's *A View on the History of Russian philosophy*). In addition, thanks to these memories, various details of the intellectual life in the first half of the 20th century are discovered (including the internal ideological connections within the Psychological Society, and the intellectual atmosphere of the “editing” of Shpet's translation of the G.W.F Hegel's *The Phenomenology of Spirit*. The author defends on P.S. Popov's archival materials the idea of the existence of a continuity between the philosophy of pre-revolutionary Russia and the Soviet period. Their link, according to the author, is the work of university philosophers (precisely, the generation that caught the interruption of the pre-revolutionary and the formation of the Soviet philosophy: G.G. Shpet, P.S. Popov, B.A. Fokht, V.F. Asmus etc.), since the university style of thinking is, in principle, aimed at preserving and transmitting the historical intellectual experience of generations.

Keywords: history of Russian philosophy in the first half of the twentieth century, memoirs, P.S. Popov, G.G. Shpet, University Philosophy, Biographical Method.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-105-124

Citation: Semenova, Angelina I. (2021) “*The Last of the Mohicans of the Russian Thought: Pavel S. Popov about Gustav G. Shpet*”, Popov, Pavel S. “Shpet, Publication by Angelina I. Semenova”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2021), pp. 105–124.

Размышляя о русской философии, Густав Густавович Шпет подчеркивал, что ее специфика раскрывается «не в решении, даже не в постановке проблем, тем более не в методе... а главным образом в психологической атмосфере, окружающей и постановку вопросов, и решение их» [Шпет 2008, 75]. Этому высказыванию Шпета оказывается созвучным и мнение Ф. Степуна, который характеризовал русскую мысль, как бесконечную череду разговоров (причем на одну и ту же тему) [Степун 2000, 327]. Публикуемая ниже 10-я глава «Шпет» из рукописи Павла Сергеевича Попова «Образы былого. Воспоминания из университетских, гимназических и детских лет» (далее –

«Образы былого») это своего рода введение в психологическую атмосферу русской интеллектуальной культуры первой половины XX в. Сегодня в этой атмосфере проступают для нас контуры культурно-исторической эпистемологии, с помощью которой мы можем продолжить и возобновить проблемный «разговор», начатый русскими мыслителями в Психологическом обществе, Вольфиле, Вольной академии духовной культуры, ГАХНе, Лингвистическом кружке и других институтах.

Попов приступил к написанию мемуаров с начала 1920-х гг., именно этим временем датированы первые варианты заметок об учителе и философе и статей, которые затем вошли параграфами в состав единой главы воспоминаний о Л.М. Лопатине. В процессе разбора рукописей удалось установить, что «Образы былого» были «начисто» переписаны в период 1941–1943 гг. Позднее Попов возвращался к написанному, вносил правку, добавлял или исключал некоторые фрагменты текста (см.: ОР РГБ, ф. 547).

Воспоминания П.С. Попова – это уникальный архивный материал, благодаря которому мы сегодня можем войти в «архив эпохи» русской философии первой половины XX в. и заново промыслить траектории и культурно-исторические контексты ее движения. Нам становятся доступными тонкости взаимоотношений между философами того времени, а также детали и стилистические особенности различных обсуждений. Эти воспоминания обладают значительным исследовательским потенциалом, поскольку позволяют «заполнить пропуски» многочисленных лагун в истории русской мысли, открыть вместе с забытыми именами или неизвестными текстами новые горизонты в их осмыслении, вписывать их не только в различные концептуальные системы (идеализма или марксизма, интуитивизма или реализма, феноменологии или герменевтики и пр.), но и намечать продуктивные методологические стратегии в историографии русской философии, показывать преемственность и актуальность традиций русской мысли для развития отечественной интеллектуальной культуры.

«Образы былого» состоят из отдельных биографических очерков. Часть мемуаров и материалов к ним были положены Поповым в основу курса лекций о знаменитых философах и психологах России. В хронике жизни П.С. Попова, составленной с особой тщательностью его родственницей А.М. Шуберт, сохранилось свидетельство о чтении Поповым с декабря 1943 г. своих воспоминаний о Л.М. Лопатине, Г.И. Челпанове, Н.Д. Виноградове и других профессорах университета в Кабинете истории психологии, учрежденном Н.А. Рыбниковым на базе Института психологии. Жанр мемуаров был особенно интересен Попову, ведь он занимался проблемами памяти, творчества, воображения. Именно этим проблемам посвящены его статьи, написанные для «Словаря художественных терминов» (ГАХН). Для него было очевидно, что память не только сохраняет и представляет историческое прошлое, но (как любой творческий процесс) и видоизменяет и преобразует его [Попов 2005, 311]. Похоже, что Н.А. Рыбников, сам разрабатывавший основания биографического метода в психологии [Рыбников 1920] и выступавший за создание отдельного биографического института в советской России, пригласил П.С. Попова для прочтения лекций о профессорах Московского университета с той же целью, какой он руководствовался в проведении собственных всесторонних научных исследований биографий известных ученых и историографии дореволюционной и советской психологии, а именно с целью передачи подрастающему поколению «накопленного людьми опыта и навыков».

«Биографический метод» можно рассматривать сегодня как одну из стратегий культурно-исторической эпистемологии, с помощью которой можно наметить линии преемственности дореволюционной философии в России и советского периода. Причем эти линии прослеживаются благодаря прежде всего университетской философской традиции. Многие произведения университетских философов советского периода до сих пор не опубликованы и недоступны широкому читателю. И только скрупулезная архивная аналитическая работа с их рукописями позволяет продемонстрировать, что при всех проявлениях догматизма «марксистско-ленинской философии» советский период в развитии философии в нашей стране отнюдь не был «провалом». Наглядное свидетельство тому – научно-исследовательская деятельность Г.Г. Шпета,

Б.А. Фохта, А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, М.Ф. Овсянникова, Т.И. Ойзермана, И.К. Лупола, И.С. Нарского, П.С. Попова и многих других.

Очевидно, что Г.Г. Шпет неслучайно становится героем воспоминаний П.С. Попова. Их биографические траектории пересекались в одних и тех же институтах. Талантливый оратор, один из самых заметных, деятельных и «верных» учеников Г.И. Челпанова, которого последний «всюду пропагандировал», Шпет прочно входит не только в круг академической среды Московского университета, но и участвует во всех сколько-нибудь заметных интеллектуальных и творческих событиях столицы. Отправной точкой в написании Поповым портрета Шпета становится яркий полемический дар последнего. Именно «мощная умственная сила», «убийственная» и «разгромная» своей «логической, можно сказать диалектической» аргументацией, выделяла Шпета среди коллег ученых и приковывала внимание Попова. С документальной достоверностью Попов составляет список оппонентов Шпета, с кем он вступал в публичный «словесный турнир».

Попов намечает основные смысловые траектории и вехи творчества Шпета, обстоятельства появления и дискуссии вокруг философской критики и обзоров, психолого-педагогических трудов, лекционных курсов по логике, теории познания, истории новой философии, переводов философской, научной и художественной литературы, а также таких знаковых программных работ Шпета, как «Явление и смысл», «История как проблема логики», «Очерк развития русской философии», «Эстетические фрагменты», «Внутренняя форма слова» и др. Также демонстрируется работа Шпета как редактора ежегодника «Мысль и слово», журналов «Психологическое обозрение» и «Научные известия». Знакомство с текстом воспоминаний позволило расширить библиографию П.С. Попова рецензиями, написанными им для подраздела «Психология аномальных явлений» журнала «Психологическое обозрение», и вместе с тем поставило задачи по продолжению археографической работы в связи со статьей П.С. Попова о феноменологии Гуссерля, рецензией на работу С.М. Лукьянова о Вл.С. Соловьеве, а также «очень свежими и яркими» статьями Шпета, написанными для «Педагогической энциклопедии».

Оставляя в стороне содержательный анализ произведений Шпета и лишь вскользь давая собственные оценки его произведениям, Попов приводит достаточно подробностей, сюжетов и исторических зарисовок, способных обогатить наше понимание интеллектуальной и экзистенциальной атмосферы первой половины XX в. Экзистенциальными переживаниями наполнены рассказы Попова о предпринятых Шпетом усилиях занять место председателя Московского психологического общества, о последовавшей после закрытия ГАХН «травле» философа, о чувстве юмора и остром языке Шпета, о дружеских «кутежах» и близком общении, которое после известий об аресте показалось слишком «кратковременным».

Несмотря на то что история не знает сослагательного наклонения, можно предположить, что если бы воспоминания П.С. Попова были опубликованы двадцать лет назад, то смогли бы, возможно, предвосхитить интерес к творчеству Шпета и направить многие из интуиций поколения исследователей, кто открывал, реконструировал, осмысливал и актуализировал наследие философа и продолжает делать это в настоящее время. Парадокс сегодняшнего опубликования текста очерка о Шпете состоит как раз в том, что и в момент написания, и сейчас фигура Шпета не является неизвестной или малоисследованной. Но десятилетия забвения его имени между этими точками на шкале времени придают публикации очерка П.С. Попова нравственное звучание перед памятью «последнего из могикан русской мысли», подлинного «репрезентанта» философского духа, честного и незапятнанного профессора Шпета.

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в личном архиве А.М. Бокучавы. Он написан чернилами на оборотах «Книжной летописи» выпусков 1914-1916 гг. Сквозная нумерация рукописных листов «Очерков былого» предположительно сделана рукою

П.С. Попова. Редакция и правка текста внесена красным, зеленым, синим и простым карандашами. Публикуемый очерк «Шпет» пронумерован с 372 по 388 лл.

Орфография и пунктуация приближены к современным (ошибки и опечатки исправлены без специальных указаний). Подчеркивания и зачеркивания воспроизведены.

Источнику – Primary Sources and Translations

Белый 1990 – *Белый А.* Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990 (Bely, Andrei, *Between Two Revolutions*, in Russian).

Беркли 1937 – *Беркли Дж.* Три разговора между Гиласом и Филонусом / Пер. Г.Г. Шпета. М.: Соцэкгиз, 1937 (Berkeley, George, *Three Dialogues between Hylas and Philonous*, Russian Translation).

Лопатин 1907–1908 – *Лопатин Л.М.* Физик-идеалист (памяти Н.И. Шишкина) // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 89, 90. 1908. Кн. 92 (Lopatin, Lev M., *An Idealist Physicist (In Memory of N.I. Shishkin)*, in Russian).

Огнев 1918 – *Огнев А.И.* Идеальное и реальное в сознании // Вопросы философии и психологии. 1918. Кн. 141/142. С. 85–129 (Ognev, Alexander I., *Ideal and Real in Consciousness*, in Russian).

Огнев 1922 – *Огнев А.И.* Лев Михайлович Лопатин. Петроград: Колос, 1922 (Ognev, Alexander I., *Lev Mikhailovich Lopatin*, in Russian).

Петрова 1912 – *Петрова Ан.* Идея жизни в идеалистической и позитивной этике // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского психологического общества. 1881–1911. М., 1912. С. 181–213 (Petrova, An., *Idea of life in Idealistic and Positive Ethics*, in Russian).

Попов 1922 – *Попов П.С.* Учение Эпикура об абсолютном пороге // Научные известия. Сб. 2: Философия, литература, искусство. М., 1922. С. 47–58 (Popov, Pavel S., *Epicurus's doctrine of the absolute threshold*, in Russian).

Попов 1926^a – *Попов П.С.* О реальности категорий // Пути реализма. Сборник философских статей Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова, А.И. Огнева и П.С. Попова. М., 1926. С. 99–132 (Popov, Pavel S., *On the reality of categories*, in Russian).

Попов 1926^b – *Попов П.С.* О функции суждения в познании // Пути реализма. Сборник философских статей Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова, А.И. Огнева и П.С. Попова. М., 1926. С. 133–156 (Popov, Pavel S., *On the function of judgment in the cognition*, in Russian).

Попов 2005 – *Попов П.С.* Память // Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг. / Под ред. И.М. Чубарова. М.: Логос-Альтера: Ессе Номо, 2005. С. 311 (Popov, Pavel S., *Memory*, in Russian).

Протокол 283 – Московское психологическое общество. CCLXXXIII Протокол закрытого (с гостями) заседания 8-го февраля 1914 года // Вопросы философии и психологии. Книга 123. С. 351–352 (*Moscow Psychological Society. CCLXXXIII Protocol of closed (with guests) meeting on February 8, 1914*, in Russian).

Протокол 287 – Московское психологическое общество. CCLXXXVII Протокол закрытого (с гостями) заседания 24 апреля 1914 года // Вопросы философии и психологии. Кн. 125. С. 534 (*Moscow Psychological Society. CCLXXXVII Protocol of closed (with guests) meeting on April 24, 1914*, in Russian).

Рубинштейн 1911–1912 – *Рубинштейн М.М.* Очерк конкретного спиритуализма Л.М. Лопатина // Логос. 1911–1912. Кн. 2–3. С. 243–280 (Rubinstein, Moisey M., *An Essay on the Specific Spirituality of L.M. Lopatin*, in Russian).

Рыбников 1920 – *Рыбников Н.А.* Биографии и их изучение. М.: Б.и., 1920 (Rybnikov, Nikolay A., *Biographies and their study*, in Russian).

Степун 2000 – *Степун Ф.А.* Прошлое и будущее славянофильства // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. (Stepun, Feodor A., *Past and future of Slavophilism*, in Russian).

Тихомиров 1925 – *Тихомиров Л.* Плеханов и его друзья: Из личных воспоминаний. Примечания П.С. Попова. Ленинград: Колос, 1925 (Tikhomirov, Lev A., *Plekhanov and His Friends: From Personal Memoirs. Notes by P.S. Popov*, in Russian).

Трубецкой 1913 – *Трубецкой Е.Н.* Мирозозерцание Вл.С. Соловьева. В 2 т. М.: изд. автора, 1913 (Trubetskoj, Evgeny N., *The World Outlook of Vl.S. Soloviev*, in Russian).

Устав 1911 – Устав Московского педагогического кружка. М.: Тип. «Посредник» Я.Г. Сазонова, 1911 (*Charter of the Moscow Pedagogical Circle*, in Russian).

Чубаров 1997 – *Чубаров И.М.* Антология феноменологической философии в России. Т. I. М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997 (Chubarov, Igor M., *Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia*, in Russian).

Шпет 1934 – *Шпет Г.Г.* Комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» // *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба. Т. 1–3 / Пер. А.В. Кривцовой, Е. Ланна при участии и с коммент. Г.Г. Шпета; сост. Густав Шпет. М.; Л.: Academia, 1934 (Shpet, Gustav G., *Commentary on the "Posthumous Papers of the Pickwick Club"*, in Russian).

Шпет 1996 – Письмо Г.Г. Шпета к Э. Гуссерлю от 26 февраля 1914 г. // *Логос.* 1996. № 7. С. 123–128 (*Letter from G.G. Shpet to E. Husserl dated February 26, 1914, Russian Translation*).

Шпет 2005^a – *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005 (Shpet, Gustav G., *Thought and Word. Selected Works*, in Russian).

Шпет 2005^b – Письма Г.Г. Шпета к Ф.И. Витязеву-Седенко // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. С. 475–479 (*Letters from G.G. Shpet to F.I. Vityazev-Sedenko*, in Russian).

Шпет 2006 – *Шпет Г.Г.* Скептик и его душа (Этюд по философской интерпретации) // Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis.* Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред. сост. Т.Г. Щедрина, М.: РОССПЭН, 2006. С. 366–416 (Shpet, Gustav G., *The Skeptic and His Soul (Study on Philosophical Interpretation)*, in Russian).

Шпет 2007 – *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007 (Shpet, Gustav G., *The Art as a kind of knowledge. Selected works on the philosophy of culture*, in Russian).

Шпет 2008 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. I / Отв. ред.-сост., коммент., археограф. работа Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008 (Shpet, Gustav G., *An Outline of the Development of Russian Philosophy I*, in Russian).

Шпет 2009 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009 (Shpet, Gustav G., *An Outline of the Development of Russian Philosophy II. Reconstruction of Tatiana Shchedrina*, in Russian).

Шпет 2010 – *Шпет Г.Г.* Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010 (Shpet, Gustav G., *Philosophical criticism: comments, critique, reviews*, in Russian).

Шпет 2013 – Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археограф. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. М.; СПб.: Петроглиф, 2013 (*Gustav Shpet and the Shakespearean Circle. Letters, documents, translations*, in Russian).

Шпет 2014 – *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Часть I / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.; Л.: Университетская книга, 2014 (Shpet, Gustav G., *History as a problem of logic. Critical and methodological research, Part I*, in Russian).

Шторх 1995 – *Шторх М.Г.* В Сибирь и из Сибири // Шпет в Сибири. Ссылка и гибель. Томск: Водолей, 1995 (Shtorkh, Marina G., *To Siberia and from Siberia*, in Russian).

Шторх 2006 – *Шторх М.Г.* Густав Шпет в воспоминаниях современников и учеников // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / Под ред. В.А. Лекторского, Л.А. Микешинной, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 324–329 (Shtorkh, Marina G., *Gustav Shpet in the Memoirs of His Contemporaries and Students*, in Russian).

Шторх 2012 – *Шторх М.Г.* Густав Шпет в воспоминаниях современников и учеников // Философские исследования. 2012. № 3. С. 112–118 (Shtorkh, Marina G., *Gustav Shpet in the Memoirs of His Contemporaries and Students*, in Russian).

Щукарев 1913 – *Щукарев А.Н.* Проблемы теории познания в их приложениях к вопросам естествознания и в разработке его методами. Одесса: Mathesis, 1913 (Shchukarev, Alexander N., *Problems of the Theory of Knowledge in their Applications to Questions of Natural Science and in The Development of its Methods*, in Russian).

Энгельс 1924 – Неизданные письма Ф. Энгельса [к М.К. Горбуновой-Каблуковой] / Пер. и предисл. П.С. Попова. Ленинград: Колос, 1924 (*F. Engels' Unpublished Letters [to M.K. Gorbunova-Kablukova]*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Борисов, Тарасова 2010 – *Борисов Ю.Н., Тарасова Ю.Г.* Пиксанов Николай Кирьянович // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 / Сост. В.В. Прозоров и др. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2010. С. 190–194.

Вендитти 2012 – *Вендитти М.* К сравнению научных методологий Б.И. Ярхо и Г.Г. Шпета // *Philologica.* 2012. Т. 9. № 21/23. С. 357–367.

Дмитриев 2010 – *Дмитриев А.Н.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // *Логос.* 2010. № 2 (75). С. 105–121.

Ждан 2010 – *Ждан А.Н.* История Психологического общества при Императорском Московском университете (1885–1922) // *Национальный психологический журнал.* 2010. № 1 (3). С. 34–38.

- Корсаков 2015 – Корсаков С.Н. Институт философии и Великая Отечественная война // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 179–192.
- Марцинковская 2016 – Марциновская Т.Д. Философия психологии Г.И. Челпанова // Философия психологии / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 10–88.
- Невельская 1981 – Невельская К. М.М. Бахтин и М.И. Каган (По материалам семейного архива) // Память. 1981. № 4. С. 249–282.
- Новоселов 2002 – Новоселов И.Г. Преподавание философии в Московском университете в начале 20-го века. Философские взгляды приват-доцента Московского университета Д.В. Викторова // Философские науки. 2002. № 2. С. 45–53.
- Половинкин 2013 – Половинкин С.М. Спор о субстанциях между Л.М. Лопатиным и кн. Е.Н. Трубецким по поводу истолкования наследия В.С. Соловьева // Лев Михайлович Лопатин / Под ред. О.Т. Ермишина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 124–138.
- Скударь 2017 – Скударь Е.В. Профессор Московского университета А.А. Грушка. Страницы жизни. М.: Ф-т журн. МГУ, 2017.
- Чубаров (ред.) 2005 – Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг. / Под ред. и послесл. И.М. Чубарова. М.: Логос-Альтера, Esse Homo, 2005.
- Щедрина, Пружинин 2016 – Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И. Историзм Льва Шестова и Густава Шпета (об экзистенциальном измерении феноменологии) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 108–118.
- Щедрина 2014 – Хроника жизни и деятельности Г.Г. Шпета / Сост. Т.Г. Щедрина // Густав Густавович Шпет / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 402–459.
- Щедрина 2008⁸ – Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.
- Щедрина 2008⁶ – Щедрина Т.Г. Попов П.С. О новом очерке учения Л.М. Лопатина [Рецензия] Профессор Л.М. Лопатин. Неотложные задачи современной мысли. М., 1917 // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 153–160.
- Щедрина 2010⁹ – Щедрина Т.Г. Густав Шпет как философ науки: опыт антидогматического преподавания // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / Отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7–16.
- Щедрина 2010⁵ – Щедрина Т.Г. К вопросу о гегельянстве... Густава Шпета // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+, 2010. С. 588–597.
- Щедрина 2011 – Щедрина Т.Г. Густав Шпет и Юргис Балтрушайтис: знаки дружбы // СЛОВО.РУ: Балтийский акцент. 2011. № 1–2. С. 179–194.
- Щедрина 2019 – Щедрина Т.Г. Судьба шпетовского перевода «Феноменологии духа» (методологические заметки). Письма Леныры Густавовны Шпет Павлу Христофоровичу Кананову. Замечания о правке перевода «Феноменологии духа» Гегеля, сделанные П.Х. Канановым. Шпет Г.Г. От переводчика (черновой автограф). Публикация, предисловие, реконструкция текста, комментарии Т.Г. Щедриной // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 79–93.

References

- Borisov, Yuri N., Tarasova Julia G. (2010) “Pixinov Nikolay Alexandrovich”, *Literary critics of the Saratov University. 1917–2009: Materials for the bibliographic dictionary*, Saratov University, Saratov, pp. 190–194 (in Russian).
- Chubarov, Igor M. (2005) *Dictionary of art terms state Academy of Art Sciences 1923–1929*, Logos-Altera, Esse Homo, Moscow, 2005 (in Russian).
- Dmitriev, Aleksandr (2010) “Literary studies in GAKHN between philosophy, poetics and sociology”, *Logos*, Vol. 2 (75), 2010, pp. 105–121 (in Russian).
- Korsakov, Sergey N. (2015) “Institute of Philosophy and the Great Patriotic War”, *Philosophiya nauki i tehniki*, Vol. 20, No. 2, pp. 179–192 (in Russian).
- Martsinkovskaya, Tatyana D. (2016) “Filosofiya psikhologii G.I. Chelpanova”, *Lektorsky, Vladislav A., ed., Filosofiya psikhologii*, ROSSPEN, Moscow, pp. 10–88 (in Russian).
- Nevelskaya, K. (1981) “M.M. Bakhtin and M.I. Kagan (Based on the materials of the family archive)”, *Pamyat’*, Vol. 4, pp. 249–282 (in Russian).
- Novoselov, Igor G. (2002) “Teaching philosophy at the Moscow University at the beginning of the 20th century. Philosophical views of the privat-docent of the Moscow University D.V. Viktorov”, *Philosofskie nauki*, Moscow, Vol. 1, pp. 45–53 (in Russian).
- Polovinkin, Sergey M. (2013) “Dispute about substances between L.M. Lopatin and Kn. E.N. Trubetskoy on the interpretation of the legacy of V.S. Solovyov”, *Ermishin, O.T., ed., Lev Mikhailovich Lopatin*, ROSSPEN, Moscow, pp. 124–138 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2011) "Gustav Shpet and Jurgis Baltrushaitis: signs of friendship", *SLOVO.RU: Baltic accent*, Vol. 1–2, Publishing house of the Baltic Federal University, Kaliningrad, pp. 179–194 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2019) 'The Fate of Gustav Shpet's translation of "The Phenomenology of Spirit" (Methodological Remarks)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 4, pp. 79–93 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G., Pruzhinin Boris I. (2016) "Historism of Leo Shestov and Gustav Shpet (about the existential dimension of phenomenology)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11, pp. 108–118 (in Russian).

Shchedrina, Tatyana G. (2008^a) *Archive of Epoch: thematic unity of Russian philosophy*, ROSSPEN, Moscow, 2008 (in Russian).

Shchedrina, Tatyana G. (2008^b) "Popov P.S. About a New Essay of the Doctrine of L.M. Lopatin [Review] Professor L.M. Lopatin. Urgent Tasks of Modern Thought. M., 1917", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2, pp. 153–160 (in Russian).

Shchedrina, Tatyana G. (2010^a) "Gustav Shpet as a philosopher of science: experience of antidogmatic teaching", Shchedrina, Tatyana G., ed., *Shpet, Gustav G. Philosophy and Science. Lecture courses*, ROSSPEN, Moscow, pp. 7–16 (in Russian).

Shchedrina, Tatyana G. (2010^b) "On the question of Hegelianism... Gustav Shpet", Motroshilova, Nelli V., ed., *"Phenomenology of the Spirit" of Hegel in the context of modern Hegel studies*, Kanon +, Moscow, pp. 588–597 (in Russian).

Shchedrina, Tatyana G. (2004) *"I write as an echo of another...: Essays on the Intellectual Biography of Gustav Shpet"*, Progress-Traditsia, Moscow (in Russian).

Skudar' Elena V. (2017) *Professor of Moscow University A.A. Grushka. Pages of life*, F-t zhurn. Moscow State University, Moscow (in Russian).

Venditti, Michela (2012) "On the comparison of scientific methodologies", *Philologica*, Vol. 9, No. 21/23, pp. 357–367 (in Russian).

Zhdan, Antonina N. (2010) "History of the Psychological Society at the Imperial Moscow University (1885 – 1922)", *Nacionalnyi psihologicheskii jurnal*, Vol. 1 (3), pp. 34–38 (in Russian).

Сведения об авторе

СЕМЕНОВА Ангелина Игоревна –
кандидат философских наук,
независимый исследователь.

Author's Information

SEMENOVA Angelina Igorevna –
CSc in Philosophy, independent researcher.

Шпет

П.С. Попов

На одной своей лекции по психологии в 1911¹ году или после лекций во время перерыва Челпанов нам, студентам сказал: «Пропагандисты экспериментальной психологии, не признающие самонаблюдения, в сущности говоря, представляют собою жертву логической ошибки. Они возвращаются в несомненном круге. Без самонаблюдения шагу нельзя ступить. Появляется новость – естественный эксперимент: взгляните – это то же самонаблюдение, но наряженное в новое платье. В Москву приехал пропагандист эксперимента – Лазурский². Советую его послушать. Вам придется бороться с этим течением. Надо знать его представителей». Я в тот же вечер отправился на лекцию Лазурского, приехавшего из Петербурга. Читалась она у Красных ворот, в так называемом педагогическом клубе³. Когда лектор вышел на кафедру, через заднюю дверь в зал незаметно вошел Челпанов и сел на почетное место справа у кафедры. Вместе с ним, точно его тень, прошел худенький бритый молодой человек с острыми, хищными глазками и, как мне показалось, красненьким курносым носиком. Он сел рядом с Челпановым. Все ждали выступления Челпанова в прениях. Вместо него первым заговорил его компаньон. – Да кто это такой? – Разве вы не знаете, – верный ученик Челпанова – Шпет. Его Челпанов всюду пропагандирует. – В двух-трех словах Шпет обобщил лекцию. Она

сразу показалась гораздо прозрачнее. По его формулировкам все выступало четче, все ненужное отпало. Казалось, что Шпету известно, как и чего хотел достигнуть лектор. Затем он стал разбирать. Вопрос был психолого-педагогический, но анализ Шпета был чисто логический. Чем ближе Шпет анализировал, тем больше вопросов отпадало. Он словно сжимал кольцо. Еще одно движение мысли, еще один охват вокруг шеи и Шпет словно задушил противника. Сказать больше нечего.

Делалось это исключительно корректно. На устах только плавала улыбочка самодовольства. Манерой говорить в то время Шпет подражал Челпанову с оттяжкой на последнем слоге. После Шпета выражения Челпанова, стоявшего тогда высоко в нашем мнении, показались вялыми, излишними. Кто-то сказал: Челпанов сегодня не в ударе. На самом деле контраст со Шпетом был не в пользу учителя. И я подумал: пожалуй ученик опрокинет учителя.

Критика Шпета всегда была убийственная. При этом он обладал прекрасной памятью, очень быстро ориентировался и не сбивался ни при каких условиях, противника он понимал с полуслова и всегда схватывал внутренние тенденции спорившего с ним оппонента. Сила аргументации была у Шпета чисто логическая, можно сказать диалектическая. Он не выступал с готовой доктриной, которую он бы противопоставлял. А он брал основные исходные точки противника, начинал их тормозить, сопоставлять и не оставлял камня на камне. Разумеется, чем мельче был противник, тем пышнее победа, он этим не брезговал. В Психологическом обществе выступал доцент Харьковского университета, химик Шукарев со сконструированной им, усовершенствованной «мыслящей машиной» Джевонса⁴. Механизм делал выводы на основании принципов формальной логики. Но доклад был бравурный, широковещательный, говорилось о реформе мысли и т.д.⁵ Шпет испепелил реферат дотла⁶. Докладчик бледнел, жался, уходил в себя, как бы свертывался. Когда Шпет кончил, Шукарев заявил, что к подобному характеру возражений он не привык и в прениях участвовать не будет. Председательствовавший Лопатин смущенно закрыл заседание. На другой день Шукарев был у моего дяди, тоже химика. Он сказал при дяде приблизительно следующее. «Меня вчера в Москве уничтожили. Такого нажима я не ожидал. Кто этот Шпет? Откуда такие берутся? Надо иметь особые средства обороны. Совладаем ли мы? Мне оставалось только уйти».

Я могу перечислить разгромы, произведенные Шпетом в прениях. На глазах у меня он умыл Лазурского, повалил Зеньковского на его диссертации⁷, Виппера и Ивановского на собственном диспуте⁸ (первого – деликатно, второго – наповал), Эрна в рецензии на его книгу о Джоберти⁹, – самый диспут не состоялся. Повалил Пономарева¹⁰, когда тот читал о Хомякове в нашем студенческом круге, повалил меня, когда я выступал по вопросу о функции суждения¹¹, Петрову¹², Лосева, когда тот читал <статейку> об идеях¹³, Ярхо¹⁴, Матвея Кагана¹⁵, Саккетти¹⁶, Челпанова на докладе последнего об аналитическом методе в психологии¹⁷ и многих других.

Непобедимым диалектиком в спорах в мои юношеские дни был Лопатин. Но спорили оба диалектика, Лопатин и Шпет, по-разному. Лопатин спорил с ложным кругом идей, Шпет с человеком, первому важна была победа над материализмом, позитивизмом, трансцендентализмом, имманентизмом, панлогизмом. Шпету нужно было одержать победу над последователями Вл. Соловьева, Лопатина или Когена и он громил их пересказы. У него было много *ad hominem*. В пылу спора он иногда восклицал: а этот аргумент я вам верну с <накладной>.

Вместе с тем Шпет был великий хитрец – мы могли наблюдать и то, что он сознательно не валил явного противника, а как бы заигрывал с ним, он мог бы торжествовать над тем или иным противником легкую победу, однако почему-либо не хотел этого. Шпет порою неискренно щадил оппонента: так он щадил Челпанова на собственном диспуте, Луначарского, Балтрушайтиса¹⁸, Шестова¹⁹, Введенского²⁰, Огнева, читавшего антигусерлианский доклад под председательством Лопатина²¹. Кое-кого он не мог бы пожалуй повалить или так сказать переспорить. Таковы Лопатин, на которого он открыто и не решался посягать, Франк, отчасти Ильин. Не опрокинул бы он Флоренского, но я не знаю даже, были ли они знакомы и встречались ли²².

Словесный турнир была стихией Шпета и тут он был исключительно силен. Он не сразу нашел себя. Будучи учеником Челпанова по Киеву, он преодолевал марксизм идеализмом, Юма – положительными задачами философии. Первый его литографированный курс логики, которую он читал на высших женских курсах в Москве, довольно банален²³. Так мог бы прочесть и Челпанов, и Щербина²⁴.

Свежей струей повеяло от Шпета, когда он в 1914 году вернулся в Москву из заграничной командировки и в первом же докладе²⁵ отразил концепцию Гуссерля, как она обнаружилась в новом его труде «Ideen zu einer reinen Phänomenologie». Взгляд Шпета был отказом от философии, как попытки выработать мирозерцание. Материализм, марксизм, спиритуализм, психофизический монизм – все это для Шпета были одинаково дефектные точки зрения. Все это гипотезы, мнения по поводу того, что находится перед нами и что ищет своего объяснения в эмпирической действительности. Всякая философия есть идеализм в том смысле, что она имеет дело с идеями, не с вещами. Сфера идей не ограничивается сферой человеческого сознания. Человеческие понятия лишь аппарат для схватывания идей, само сознание безлично, есть вечные отношения, исконные конструкции, неотмыслимые, обязательные. Мы их раскрываем путем анализа того, что предносится уму. Это не есть заумная, мистическая сфера, она нам дана, эти понятия нам не только доступны, но это то, чем движется всякий прогресс, всякое знание. Понятия эти воплощены в слове. Слово – величайшая реальность и полнота. Анализ слова вскрывает основные идеальные пружины достижений и выводов разума. Оно же величайший двигатель культуры. В нем конденсируются все приобретения развития духа. Слова и словесные документы – памятники исторического развития, дошедшего до известного этапа и воплотившегося в известных достижениях языка. Кант хотел из предпосылок математической физики извлечь подлинные устои философской мысли. Он игнорировал нечто гораздо более значительное. Слово, являющееся предпосылкой истории, – стержень подлинного идеализма, идеализма разума, улавливающего в своих интуитивных постижениях основные скрепы понятий, подлинное ядро знания, раскрывающееся путем детального диалектического развития своего содержания.

Всего естественнее сопоставить точку зрения Шпета со взглядами двух мыслителей – Гуссерля и Гегеля²⁶. Но и от того, и от другого у Шпета есть существенные отличия. Гуссерль для Шпета рассуждает слишком отвлеченно, не конкретно, он исходит только из логики, у него нет плодотворного языкового <подхода>. По Шпету корень умозрения – слово, не идея; основная его установка до-логическая, не логическая. С другой стороны, по отношению к Гегелю, плодотворным своим диалектическим методом и полнокровным анализом понятий, культивируемым Шпетом, точка зрения первого ущербна – для Шпета идея в мире не воплощается, и мир к идее не восходит. А мир сам по себе, идея сама по себе. И этого как раз надо твердо держаться и не упускать из виду этой сепаратности мысли и действительности. Поэтому странным образом Шпет становится жертвой этого самого умонастроения, с которым он боролся всю жизнь – скептицизма. Для него скептицизм результат дуализма, происшедшего от того, что мы усматриваем в явлениях репрезентантов чего-то позади таящегося. Мир начинает распадаться на явления и вещи-в-себе. Вещи-в-себе непознаваемы, отсюда – скептицизм. Но ведь не только сепаратизм явления и вещи-в-себе доставляет скептицизм, а и сепаратизм мира и мысли, или мира и слова. Слово и разум – сфера философии, а мир погрязает в беспросветном иррационализме. Как же не называть такую концепцию скептицизмом.

Но Шпет был мощной умственной силой и силой по существу культурной. У него был подлинный вкус в философии. Он брал всегда самое существенное в литературе и проблематичное, а литературу умел отыскать самую ценную. Лопатин к нему зорко присматривался и чувствовал в нем нарастающую силу и противодействие, сравнивая его манеру спорить с манерой иезуитов. До настоящих схваток у них в открытых спорах дело не доходило. Шпет чаще всего уступал. Свой антагонизм Лопатину он маскировал. В Лопатине он ценил рационализм, отрицал – спиритуализм²⁷. Но в критику он пускался обходным путем: критиковал, например, Лотце²⁸, разумея Лопатина.

Как принято было говорить, бешеным успехом пользовался Шпет на женских курсах. Это был один из самых популярных и эффектных лекторов. Говорил он и читал всегда очень находчиво и гладко. Злые языки сплетничали, что чем непонятнее он читал, тем больше это импонировало – при умопомрачительно сложных экскурсах девицы млели, а на экзаменах – падали в обморок. В 1914 году мне вдруг захотелось расширить круг прослушанных мною в университете лекций. Я записался в университет Шанявского. Среди других курсов меня привлек курс «истории новой философии», объявленный Шпетом. Я был на первых двух лекциях. Аудитория была полна. Шпет искусно польстил слушательницам, что, когда он был за границей, мысль о любимой аудитории в университете Шанявского не оставляла его. Затем он стал ограничивать рамки курса – это не новая философия и даже не новейшая и не обзор философии текущего времени, а основная проблематика научного знания. И начал излагать основы феноменологии. Анализ был очень четкий, настойчивый и убежденный. Шпет говорил без записей; импонировал строгий тон, меткость формулировок и устойчивость весьма тонких предположений. Такие лекции развивали четкость мысли лучше всякой формальной логики. Из слушательниц девиц многие были преподавательницами училищ и гимназий. Был такой анекдот. В средней и младшей школе в то время была обязательна молитва перед учением. Звучала она так: «Препоблагодой Господи! Ниспосли нам благодать Духа твоего Святого, дарствующего и укрепляющего душевные наши силы». Так читалась молитва в гимназии, когда я был учеником. Когда же я стал преподавателем гимназий в 1915 году, то уже слова несколько изменились: дарствующего нам смысл²⁹ и укрепляющего душевные наши силы. Шпетистки шутили: как появилась книга Шпета «Явление и смысл»³⁰, пришлось включить в молитву прошение о даровании смысла.

Мне кажется, Шпет внутренне сравнивал себя с Юркевичем, недаром он занялся не только философией, но и биографией последнего³¹. Юркевич действительно составил эру в Московском университете, предвосхитил многие идеи Владимира Соловьева, а явился он из безвестных киевских преподавателей. Шпет тоже считал свой переезд из Киева в Москву симптоматичным.

В 1919 году я получил кафедру, если выразаться высоким слогом. По инициативе Лосева и при содействии Лопатина меня выбрали профессором в Нижегородский университет с поручением организовать преподавание логики на факультете. Сил тогда было много, и я, несмотря на затруднительные условия внешнего существования, еще в Москве составил подробный конспект курса гносеологической логики, самостоятельно сконструировав план. Лопатин тогда можно сказать угасал. Но он живо заинтересовался моей темой. Вспоминал, что логику в университете он никогда не читал. Логика ему казалась всегда дисциплиной слишком абстрактной и потому неинтересной. Но мой курс он приветствовал. Не помню – вечер или два я ему излагал свою концепцию, он все покуривал, но внимательно слушал. В конце он после нескольких дополнительных вопросов, сказал: «Вполне одобряю. Идите смело в бой. У вас по-своему все продумано и хорошо обосновано». Я спросил: в какой собственно бой? – У вас на пути стоит абстрактный логицизм Шпета, самое сильное сейчас у нас в умозрительной сфере. Это вам надо опрокинуть.

Увы! Лопатин преувеличивал мои силы и не был ориентирован в текущей действительности. Первое – на что я наткнулся, что рано читать гносеологическую логику, студентам надо усвоить элементы логики. Я быстро в Нижнем один курс заменил другим. Развернуть же гносеологическую логику во всех задуманных деталях мне не удалось. Скоро и филологические факультеты были закрыты. В книге «Пути реализма» 1926 года мне удалось лишь поместить два очерка³² из задуманного курса.

Развитие личных сношений со Шпетом у меня пошло по ложному пути. Не далее как вчера мне один приятель Шпета, зашедший на дачу – <нрзб.>, сказал: он все же играл в гениальность. Он готов был все игнорировать, возвеличивая только себя. Это было преувеличением, как бы высоко ни ставить книги Шпета.

После смерти Лопатина Шпет почувствовал свободу. Франка и Ильина он по существу не стеснялся. Над Челпановым он давно стал открыто смеяться. В «Академии

Духовной культуры» он выступил с докладом против философии, как философского мирозерцания³⁵. Тут он прямо громил спиритуализм и Лопатина. Председательствовавший Бердяев мне с улыбкой сказал – «будете спорить, я вас запишу оппонентом. Тут в ваш огород камешки». – Я уклонился под формальным предлогом – я пришел к самому концу доклада. Против Шпета поднялась Петрова. Шпет не совсем уравновешенно и спокойно, но опрокинул ее во мгновение ока. На лице были озорство, отвага и сознание своей силы.

Стоит охарактеризовать детально эту схватку, в ней обрисовались особенности Шпета в споре. Петрова говорила горячо, убежденно, если хотите, благородно, но неумно, мелко, и по-женски истерично. Быть с ней заодно было бы очень невыгодно. Шпет выслушал в тот вечер многих оппонентов. Отвечая им, он легко и свободно расклассифицировал разные точки зрения, высказавшиеся против него. Одних он выделил, как представителей позиции, заслуживающей внимание, вообще разместил всех по шкале. Ниже уровня приемлемости оказалась Петрова по характеристике Шпета: отвечать на такое недомыслие не стоит и труда. Но Шпет был спорщик хищный. Я помню, как однажды хищный зверь напал на кроликов, он наелся до отвала, но глаза разгорелись, шерсть ошетилилась, и зверь уже просто душил кроликов – их мясо не было для него интересно. Шпет повалил всех, а вышло, что Петрову он обошел. Между тем страсть расходилась, и Шпет вопреки собственному решению, вслух им заявленному, с разнуждавшейся энергией бесспорного победителя схватился и с Петровой, повалил ее для эффектного конца вдребезги.

~~В начале революции, но еще до смерти Льва Михайловича (Лопатина. — А.С.);~~ ~~Виноградов³⁴ выдвинул на высших женских курсах кандидатуру Петровой и мою. Шпет что то возражал, и выборы были отложены, вскоре самые курсы распались. Встретив меня, Шпет сказал: «Может произойти недоразумение. Я отводил кандидатуру Петровой, но к выдвижению вашей хотел присоединиться. Четко я не успел этого сделать. Хочу заявить в деканат, чтобы не было неверно истолковано мое молчание по поводу второго кандидата».~~ Таково было своеобразное маневрирование Шпета.>

До 1920 года в Москве в философии царил Лопатин. Все попытки опрокинуть его взгляды были в сущности тратой энергии. Покушались на его дело Андрей Белый³⁵, Топорков³⁶, однажды Евгений Трубецкой³⁷, исподтишка Челпанов, имевший в виду вопросы не мирозерцания Лопатина, а его значимость, попробовал робко Моисей Рубинштейн³⁸, пробовали отдельные марксисты и представители позитивных течений мысли – Викторов³⁹, Кл. Тимирязев⁴⁰, Тутышкин⁴¹; все это, включая выступления Ленина по поводу статей Лопатина, посвященных Шишкину⁴², разбивалось об авторитет Лопатина. Даже дружеские попытки показать известную узость взглядов Лопатина кончались прахом – так при мне в публичном споре Лопатин словно нечаянно опрокинул Хвостова⁴³ и тот сразу замолчал и вышел из-за стола весь красный. Но вот открылась возможность заменить авторитет Лопатина другим. Кто займет его место? Бердяев, действовавший всегда открыто, прямо сказал: «Достойных преемников нет. Надо вызывать Франка из Саратова. Что касается психологического общества, его надо реконструировать, – достойный кандидат в председатели – Ильин». Кубицкий⁴⁴ говорил: «место Лопатина надо отдать Шпету». Секретарь общества Корелина⁴⁵ возражала: «Следует сохранить структуру. У нас есть товарищ председателя – Виноградов. Он и должен замещать Льва Михайловича до конца трехлетия⁴⁶». Я недальновидно прикинул к последней позиции. Несмотря на развал общественной и научной жизни бремя, доставшееся Виноградову, было непосильным. Он на закрытом заседании общества произнес краткое поминальное слово по поводу всех скончавшихся членов общества: Лопатина, Трубецкого, Хвостова и других. Это было так серо, так бледно и даже беспомощно, что казалось безнадежным. Еще до этого Шпет предпринял кое-какие меры, чтобы выделиться. Он пришел в семью Лопатиных – Александра и Владимира и сказал, что хотел бы посоветоваться по поводу издания трудов покойного Льва Михайловича в связи со своим выступлением на факультете. А на факультете Шпет выставил мотивированное мнение о необходимости издания полного собрания

сочинений Лопатина. Было устроено, если не ошибаюсь, два частных заседания на квартире Лопатиных в присутствии декана Грушка⁴⁷, ряда приглашенных философов, семейных и друзей Лопатина. Первую скрипку играл Шпет. Тут он и меня хотел привлечь на свою сторону. Он знал, что я составил еще при жизни Лопатина план издания его сочинений: за это дело взялась фирма Думнова⁴⁸ и выплачивала Лопатину аванс. Шпет постарался в сношениях ликвидировать ряд нараставших у меня с ним недомолвок и недоразумений. В 1918 году Шпет через своего секретаря звал меня участвовать в «Научных известиях», которые он организовал при академическом центре Наркомпроса. Извлек из забытого портфеля «Психологического обозрения» мою статью об Эпикуре, выдвинул ее в первый номер (Научных известий. – А.С.)⁴⁹. Но от составления новых статей и обзоров я уклонился – между прочим отказался составить обзор деятельности психологического общества; так мне посоветовал сделать сам Лопатин, председатель общества. Произошел другой конфликт. У меня была статья о Гуссерле. Предварительно я читал ее (в 1918 г. осенью) в конторе журнала (Вопросы философии и психологии. – А.С.). Тогда общество не собиралось. Было человек 10 приглашенных гостей. Я предложил Шпету напечатать статью, но недалековидно поставил в открытке вопрос так: «мне хочется, чтобы вы сказали откровенно, уместна ли психологистическая критика Гуссерля». Шпет быстро отозвался длинным письмом. Перед Лопатиным он стеснялся, мне же ему хотелось показать свои клыки и зубы. Он написал так – статью я напечатаю, потому что считаю всякий добросовестный разбор взглядов Гуссерля заслуживающим внимания, что же касается «моего личного мнения об уместности психологистического разбора скажу тоже откровенно: такой разбор столь же уместен, как ходить до ветра в гостиной».

Я страшно, по-мальчишески обиделся на письмо, прочел его Лопатину, при нем его разорвал и сказал, что отныне не буду входить ни в какие сношения со Шпетом. Лопатин отнесся очень благодушно. Сказал, что я преувеличиваю. Что это шутка, правда грубоватая, но шутит всякий, кто как может. Я же надулся.

После смерти Лопатина Шпет пытался показать, что готов заключить со мной конкордат, хотя бы условный. Полуизвинился за старое письмо. Просил непременно принести статью, внимательно ее прочел. Указал, что у меня наиболее уязвимо. Прислал несколько миллионов гонорара чуть не на дом. Сказал, что как редактор поправок никаких в статью вносить не вправе⁵⁰.

Все это резко оборвалось после второго заседания в доме Лопатиных. Тут был поставлен вопрос о том, кто будет председателем комиссии. Все смущенно замолчали, <умильно> поглядывая на самого Шпета. И вдруг Корелина четко сформулировала: если бы спросить самого Льва Михайловича кого бы он хотел иметь председателем комиссии, рассматривающей его литературное наследие, то, уж вы извините Густав Густавович, он бы сказал – Николая Дмитриевича (Виноградова. – А.С.). Вас он ценил, а Николая Дмитриевича любил. Это было бы наиболее приятно Льву Михайловичу.

Владимир Михайлович Лопатин робко пробовал протестовать в пользу Шпета, но Шпет надулся и ушел из этого окружая навсегда. В сущности он и не вел агитации в свою пользу в Психологическом обществе, а просто стал его игнорировать. Кандидатуру Шпета выдвинул один Кубицкий, голосовавший за него чуть не в полном одиночестве. Старики, в том числе и я, голосовали за Виноградова. Бердяев, ведший открытую предварительную агитацию, форсировал кандидатуру Ильина. Ильин вышел победителем⁵¹. Вероятно за Ильина голосовали Каптерев⁵², Соколов⁵³, несомненно Грушка, И.В. Попов⁵⁴, думаю М.К. Морозова. В сущности я, голосовавший за Виноградова, остался в самом глупом положении. Ильин меня только терпел в обществе. Шпет почти перестал здороваться.

Многих в жизни травил Шпет. Над многими он форменно издевался, например, над Н.К. Пиксановым⁵⁵. Я вовсе не уважаю Пиксанова, но издевательства Шпета над ним носили садистический характер. Третировал он Ярхо, неприлично склоняя его фамилию. Издевался он над Лосевым⁵⁶. Много неприязненных отзывов бросал Шпет и обо мне – неудачный ученик Лопатина, мелкий человек, неумный и т.д.⁵⁷ Но говоря

объективно, должен сказать: если бы он захотел, я не попал бы в Институт научной философии⁵⁸, где он был директором. Он закулисными путями добился того, что в Институт не была привлечена Петрова. И главное – я был сделан членом Государственной Академии художественных наук только благодаря Шпету, в ГАХНе он был все-таки вице-президентом. Он сам выставил мою кандидатуру. Спросил же он меня в университете, не хочу ли баллотироваться в Академию так, что я не сразу понял, о чем идет речь, мне показалось, что он мне хочет сказать что-либо особо неприятное.

Кубицкий спрашивал, председательствуя, кому поручить написать статью о Бергсоне для Малой советской энциклопедии: Бабынину или Попову. Шпет живо отзывался: конечно Бабынину⁵⁹. Витязев⁶⁰ спрашивал: кому поручить написать биографию Лопатина для серии «Колоса»⁶¹ Огневу или Попову. Шпет тотчас отзывался: конечно Огневу⁶². И вместе с тем он же определял мне жалованье по ГАХНу, председательствование в комиссии⁶³ и т.п.

Может быть самое огорчительное, что мне причинил Шпет было: кивками и полунемеками пробовать уронить меня в глазах моей жены⁶⁴. Мир бывает очень тесным, когда речь идет о том, чтобы избежать кого-нибудь. На несчастье (приходится говорить так) моя жена была довольно близка знакома со Шпетом, он любил ее пение, любил, чтобы она присутствовала на его всегда интересных вечерах⁶⁵. Компания Москвина, Качалова была в духе и Шпета, и моей жены. И вот он прохаживался на мой счет в разговорах с женой, как бы сожалея, что она вышла за меня замуж. Жена эти разговоры тщательно от меня скрывала.

Но часто в жизни самое острое перегорает. И случается это незаметно. Может быть в данном случае многое зависело от развала ГАХНа и от того, что я искренне посочувствовал Шпету при травле, которая началась против него. Правда он позволял себе очень много: например, на открытом заседании в ГАХНе он сказал буквально следующее: я вам говорю о науке, а вы толкуете о марксизме.

В начале революции Шпету везло. Он не поступался своими взглядами, только маневрировал, используя то Кубицкого, то Волгина⁶⁶, его не только не трогали, но выделяли. В 1921 году его назначили директором Института научной философии. На 1918–1921 годы падает самая его энергичная деятельность. Он читал очень популярные лекции в университете. Вокруг него стала образовываться группа учеников. В январе 1919 года им закончена очень яркая статья «Скептик и его душа». Я случайно был у него в тяжелые зимние дни 1919 года. Он сидел в пальто в нетопленной квартире, но был полон энергии. Я заказывал ему статью для педагогической энциклопедии, где я служил секретарем. Он первый и единственный в срок доставлял материал. Статьи были очень свежие и яркие. К сожалению, они, по-видимому, погибли⁶⁷. С 1917 года он издавал философский ежегодник⁶⁸ и энергично собирал для него материал. Входил в сношения с Ильиным, хотя они были конкурентами. Меня очень удивило, чтоб он без всякой амбиции пришел на заседание комиссии Психологического общества в 1919 году, где разбирались вопросы о премиях. Предстояло премировать работу Лукьянова⁶⁹ о Вл. Соловьеве. Официальные рецензенты Трубецкой и Новгородцев выбыли. Лопатин мне предложил составить рецензию. На заседание не явился и Шпет. После заседания он очень конвентно⁷⁰ просил передать отзыв для напечатания в «Мысль и слово»⁷¹. Тогда же он заказал мне разбор последней речи Лопатина «Настоящее и будущее философии»⁷². Составил сам все для того же ежегодника большой принципиальный разбор книги Ильина о Гегеле, в которых доказывал, что Ильин упустил главное у Гегеля – его диалектику⁷³. Тогда же им писалась история русской философии. Завершенной была не только первая, напечатанная часть⁷⁴. Среди бумаг Шпета сохранилась полностью написанная вторая часть⁷⁵. Я по поручению ГАХНа подготавливал материалы по философии для выставки в Берлине, связанной с русской идеей⁷⁶. Мне известно, что второй том труда Шпета хотели печатать за границей.

В 1922 году революционная метла вымела московскую философию: были высла- ны за границу: Бердяев, Ильин, Франк, Вышеславцев, Степун. Шпета не тронули⁷⁷. Франк жестко говорил: кто выиграет и кто радуется нашей высылке, так это Шпет, –

не останется конкурентов. Диалектическим эквивалентом этих слов явилась жестокая судьба Шпета впоследствии – никто из выдающихся философов не подвергся такой беспощадной репрессии, как Шпет. Когда уже его звезда заходила, он стал мягче, доступнее.

Шпет уже начинал меня звать вместе с женой к себе и стал приходиться сам к нам. Не помню, как это произошло, но у нас был организован кутеж с участием Шпета. Было это в году 1930-м. Он был в ударе; четко и очень весело играл в винт, острил, раздавал за ужином ходов по выбору с какими-то прибаутками и вдруг вышло так, что мы выпили с ним на Ты. И тут вместо недомолвок, он стал вдруг страшно откровенно говорить, что я его обижал. Я глаза вытаращил. Оказывается, главная его претензия была, что я будучи в хороших отношениях с ним и не отказываясь от его услуг, не захотел поддержать его авторитета в Психологическом обществе, где я, без ущерба для себя, мог доставить ему положение, на которое он естественно претендовал. О Виноградове он не говорил, но продолжал настаивать, что Ильин его, Шпета, обходил, опираясь на меня. «Почему вы не пригласили меня участвовать на заседании памяти Лопатина?». Но я сам в этом заседании не участвовал, Ильин же относился ко мне настороженно-холодно. Тут я рассмеялся Шпету прямо в лицо и сказал, что я был готов ожидать самых острых обвинений, но только не этого. И лед был сломлен. С тех пор как отношения у меня наладились, должен со всем беспристрастием сказать: Шпет был удивительно компанейский человек. С ним было легко, весело и всегда интересно. Он был блестящий собеседник. Жаловались, что он не знал меры вину, но ему было достаточно выйти в соседнюю комнату буквально на 2 минуты, он тогда закрывал на секунду глаза, и опять он был свеж и бодр. От нас он после пирушки вышел часу в 12-ом утра и потому не был в тягость.

Острые шутки, балагурство были у него возможны в дружеском порядке, тогда как при других условиях всякий бы обиделся. Я был на пирушке у Шпета, когда Академия дышала на ладан. Поодаль сидел Коган⁷⁸. И вдруг заговорился: «Коган, Коган, твоя песенка Шпета». И Коган меланхолически улыбался и покорно выпивал преподносимый Шпетом бокал.

Угощая пирожными Шпет не знал, какое положить на тарелку: эклер или песочное пирожное в форме лепешки. Барышня предпочла второе. – Я не думал, что у вас такой плоский вкус. Однако барышня нашлась. – Но ведь это достаточно плоская острота.

Перед заседанием в академии все сидели в приемной, потому что электричество вдруг померкло. В академии служило несколько почтенных дам в канцелярии, набравших в себя деловитый тон. Озабоченно пробегая, Марина Ивановна Иванова-Еленевская⁷⁹ спросила томно Шпета: что ж, будет ли заседание? – Да вот вы видите – все кабели испортились. Марина Ивановна так и <стрекнула>⁸⁰ в соседнюю дверь.

Но эта дружба со Шпетом оказалась для меня кратковременной. Шпет блеснул передо мной в новом обличьи – литературоведа. Он подарил мне свой превосходный комментарий к «Пиквикскому клубу», изданный отдельным томом⁸¹; он завлекательно рассказывал о своей работе над текстами Шекспира⁸².

К тому времени у него выработалась стройная эстетическая теория, примыкавшая к формалистам, но контрастировавшая с ними в том отношении, что, по-взглядам Шпета, признаки стиля нельзя трактовать изолированно, как признаки какой-нибудь вещи. Особенности поэзии зависят от структурных элементов слова и их сочетаний. Использование этих особенностей созидает особую отрешенную эстетическую действительность. Поэзия довлеет себе, не растворяется ни в идеологии, ни в риторике, ее корни языковые, ее цветенье – художественный образ. Искусство познавательное, и в конце концов примыкает к сфере научного постижения⁸³.

В последний раз я зашел к Шпету случайно, он был один дома и мы засиделись. Он говорил так мягко, так лирично, как никогда. Вдруг расчувствовался и заявил, что он передо мною виноват, что ему хотелось бы, чтобы отношения пошли наново, чтобы все старое было забыто. Схватил одно из своих изданий Диккенса и сделал мне подпись, предложив прочесть ее дома. Только неразборчивый почерк Шпета сделал то, что ему самому пришлось расшифровать мне свою криптограмму, которая сводилась

к тому, что деланное им приветствие исходит от него с тем большей симпатией, что он раньше несправедливо сомневался в чистоте некоторых моих моральных качеств⁸⁴.

После этого он еще раз зашел к нам поздно вечером, чуть не в 12 часов. Раскладывал свой обыкновенный пасьянс, но с такими нюансами и деталями, что пасьянс казался особенно заманчивым. Сказал: я по ночам гуляю, теперь буду заходить к вам невзначай.

На этом все оборвалось. Он был арестован. Вел он себя на следствии исключительно благородно. В камере его очень любили. Он пользовался большим авторитетом и был старостой. Попал сначала в Енисейск, затем в Томск. В Томске уже он был разбитым болезнью стариком. Но не бросил своих занятий и интересов и перевел «Феноменологию духа» Гегеля с исчерпывающей точностью⁸⁵. Такие переводы не в моем вкусе, но я прочитав несколько страниц его сложной рукописи, удивлялся, как прочно это сделано.

Имя Шпета стали третировать и избегать. Был издан его перевод «Трех диалогов»⁸⁶ Беркли, но никак и нигде не было обозначения, чей это перевод. Когда в Томске Шпета захватила новая ежовская волна, и вовсе старались забыть, что были знакомы со Шпетом. Дворцов при мне в Соцэргиз говорил с таким презрением о Шпете, как Черчилль может говорить о последнем взбунтовавшемся индусе. И поднялись разные ничтожества.

<Хорошим тоном стало в писаниях о Герцене, лягнуть книгу Шпета, посвященную философии Герцена⁸⁷. Чернышев⁸⁸, лизавший в свое время пятки у Шпета, сам мне хваливший «Феноменологию» в переводе Шпета, испуганный 16 октября 1941 г.⁸⁹ в Москве и бежавший в Ашхабад, взял на себя заново перевести феноменологию, игнорируя перевод Шпета. Труд не многим менее бессмысленный, чем если бы не знающий немецкий язык Дворцов взял заново перевести «Критику чистого разума» после перевода Лосского или нечто подобное.>

Феноменология в переводе Густава Густавовича была почти что принята Академией наук, но запротестовал Дынник⁹⁰, автор довольно паршивенькового курса по античной философии. Он сам мне хвастал, что принял все меры, чтобы не пропустить перевода Шпета: нельзя же так дословно переводить Гегеля.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Если в 1920 году мне казалось, что некем заменить Лопатина, то теперь скажу: некем заменить Шпета. Это последний из могикан русской мысли. Пусть его книга о русской философии⁹¹ несимпатична и несокомерна, пусть самая его точка зрения ущербна, он был подлинным продуктом философского духа, это был настоящий представитель культуры, честный, незапятнанный, глубоко любивший избранную им сферу мысли, острый и талантливый, его русская философия не забудет никогда.

Примечания

¹ Будучи студентом (1910–1915) философского отделения историко-филологического факультета Московского университета, П. С. Попов прослушал все университетские курсы Г. И. Челпанова, а после организации Психологического института им. Л. Г. Щукиной, не только посещал психологические семинарии профессора, но и состоял помощником в многочисленных и оснащенных самым современным оборудованием лабораториях института.

² *Лазурский* Александр Федорович (1874–1917) – психолог, врач, автор психологической концепции индивидуальных различий и типологии личности. Мнение Челпанова о перспективах развития экспериментальной педологии отличалась от взглядов А. Ф. Лазурского, «...развитие психологии показало правоту Челпанова и его сторонников, поскольку слишком широкое распространение психологических экспериментальных методик без достаточного уровня психологической грамотности приводило ко многим ошибкам при диагностике психического развития детей» [Марцинковская 2016, 63].

³ Возможно, речь идет о Московском педагогическом кружке, учрежденном педагогами 20 декабря 1910 года. См.: [Устав 1911].

⁴ *Щукарев* Александр Николаевич (1864–1936) – выпускник Московского университета по естественному отделению физико-математического факультета, с 1911 г. профессор Харьковского

технологического института. Действительный член Московского Психологического общества. Сотрудничал с журналом «Вопросы философии и психологии», где вначале 1900-х гг. была опубликована серия его статей под общим названием «Очерки философии естествознания» (см.: Вопросы философии и психологии. Кн. 52, 57, 66, 69, 78). Усовершенствовал логическую машину, построенную П.Д. Хрущовым (1849–1909) на основе идей английского ученого У.С. Джевонса. Шукарев использовал «мыслящую машину» в публичных выступлениях о природе мышления и возможностях познания человека. Известно, что эти демонстрации проходили в Москве, Харькове и других городах. По воспоминаниям П.С. Попова, аналогичный по содержанию доклад с демонстрацией «мыслящей машины» был сделан Шукаревым на заседании Московского психологического общества.

⁵ Еще в 1896 году Шукарев приступил к разработке теории познания, а в 1913 г. подвел итог своим размышлениям, опубликовав на основе ранее увидевших свет «Очерков истории естествознания» цикл лекций «Проблемы теории познания в их приложениях к вопросам естествознания и в разработке его методами». См.: [Шукарев 1913].

⁶ Согласно протоколу закрытого (с гостями) заседания 24 апреля 1914 г. Московского психологического общества в прениях по поводу прочитанного А.Н. Шукаревым доклада приняли участие Г.Г. Шпет и Л.М. Лопатин. См.: [Протокол 287].

⁷ Защита диссертации «Проблема психологической причинности» В.В. Зеньковского состоялась в 1915 г. в организованном Г.И. Челпановым Психологическом институте в Москве. Рецензию Г.Г. Шпета см.: [Шпет 2010, 99–124].

⁸ П.С. Попов присутствовал в 1916 г. на публичном диспуте в связи с защитой Г.Г. Шпетом магистерской диссертации «История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Часть I. Материалы», см.: [Шпет 2014]. В газете «Русские ведомости» о диспуте вышла заметка, в которой сообщалось об участии в прениях по диссертации первого оппонента Г.И. Челпанова, второго оппонента историка Р.Ю. Виппера, третьего оппонента В.Ф. Эрн и неофициального оппонента В.Н. Ивановского [Там же, 375–376].

⁹ Рецензию о книге В. Эрн Шпет предвзрывает словами: «Преждевременная смерть вырвала из рядов нашей славянофильствующей философии ее самого прямолинейного представителя. В.Ф. Эрн скончался накануне уже назначенного диспута по поводу его сочинения о Философии Джоберти. Моя статья об этой книге была написана задолго до этого, и я не счел нужным изменять ее содержание, за исключением тех возражений или недоумений, ответить на которые или устранить которые мог бы, по моему мнению, только сам автор, – эти места я просто выбросил из своей статьи» [Шпет 2010, 129–195].

¹⁰ Возможно речь идет о студенте поколения П.С. Попова.

¹¹ П.С. Попов имеет в виду доклад, позднее опубликованный в сборнике «Пути реализма». См.: [Попов 1926⁶, 133–156].

¹² А.Е. Петрова – ученица Л.М. Лопатина, участница заседаний Московского психологического общества, была среди тех, кто готовил юбилейный «Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину». См.: [Петрова 1912].

¹³ Воссоздавая историю подготовки «Словаря художественной терминологии», И.М. Чубаров пишет, что «А.Ф. Лосев, который должен был стать автором целого ряда важных статей словаря, неоднократно подвергался коллегами суровой критике. Например, при обсуждении статьи “Идея” (протокол № 10–11 от 03. и 26.III.1925) ее первая редакция была отвергнута, и Лосеву было поручено переделать статью, введя историческую часть и определение самого понятия» [Чубаров (ред.) 2005, 486].

¹⁴ Ярхо Борис Исаакович (1886–1942) – филолог, фольклорист, возглавлял в ГАХН Кабинет теоретической поэтики и комиссию художественного перевода. Разрабатывал методологию точного литературоведения, которая предполагала применение точных математических методов в анализе литературных произведений. Известна публичная полемика Шпета и Ярхо о методологии научного литературоведения, состоявшаяся в конце 1924 года. См.: [Дмитриев 2010; Вендитти 2012; Шпет 2007, 682–686].

¹⁵ Казан Матвей Исаевич (1889–1937) – философ-неокантианец, с 1922 г. научный сотрудник РАХН (ГАХН). К. Невельская пишет о шпетовской критике его статьи «О ходе истории»: «...главное, что вызывает неудовлетворение при чтении Вашей статьи – это ее крайний схематизм. В сущности, Ваша статья – только программа будущего возможного исследования, и все зависит от того, как эта программа будет выполнена» [Невельская 1981, 277].

¹⁶ В 1924 г. 5 февраля Шпет участвовал в обсуждении доклада Саккетти Александра Ливериевича (1881–1966) «Содержание и форма в художественном произведении», прочитанного на пленарном заседании философского отделения РАХН. См.: [Щерина 2014, 436].

¹⁷ Содержание доклада изложено Г.И. Челпановым в статье «Об аналитическом методе в психологии» (1917), см.: [Чубаров 1997, 494–507].

- ¹⁸ Шпета и Балтрушайтиса связывали крепкие узы дружбы, их общение не прерывалось и в тяжёлое для Шпета время травли, ареста и ссылки. Подробный анализ идейных созвучий друзей, эпистолярного и личного общения см.: [Щедрина 2011].
- ¹⁹ Андрей Белый вспоминал: «Шпет... приверженец Юма и скептик, боготворил философские опыты Шестова»; цит. по: [Щедрина, Пружинин 2016, 111].
- ²⁰ *Введенский* Александр Иванович (1856–1925) – философ-неокантианец, логик, психолог, один из организаторов Петербургского философского общества, почитатель идей Э. Гуссерля.
- ²¹ 6 апреля 1918 г. А.И. Огнев выступил с докладом «Идеальное и реальное» на заседании Московского психологического общества [Огнев 1918].
- ²² Шпет не был знаком с Флоренским, но заочно полемизировал с ним, ссылаясь на его работу «Столп и утверждение истины». Об этом см.: [Щедрина 2008^a, 70–88].
- ²³ Лекции Шпета по логике были изданы в 1912 г. по запискам слушательниц и переизданы в 2010 г. вместе с ранее неопубликованными конспектами по теории познания, истории новой философии, истории науки и др. Об этом см.: [Щедрина 2010^a].
- ²⁴ *Шербина* Александр Моисеевич (1974–1934) в разные годы читал курсы по психологии, этике, логике и др. Действительный член Московского психологического общества. Первый в России незрячий профессор.
- ²⁵ Согласно протоколу закрытого (с гостями) заседания 8 февраля 1914 г. Московского психологического общества «действительный член Общества Г.Г. Шпет прочел реферат под заглавием «Феноменология, как основная наука (Новые идеи Гуссерля)». См.: [Протокол 283, 351–352]. О том, как сам Шпет описывает интерес публики к докладу см.: [Шпет 1996, 123–128].
- ²⁶ Аналогичная задача сопоставления взглядов Шпета с идеями Гегеля и Гуссерля, предложена П.С. Поповым, реализована в: [Щедрина 2010^b].
- ²⁷ Ср.: Говоря о «положительной» философии на русской почве, Шпет называл Лопатина в числе продолжателя ее традиции, идущих от Платона. Пример Соловьева, Трубецкого, Лопатина достаточен, «чтобы видеть единство, в направлении которого должна и дальше следовать наша положительная философия». Цит. по: [Шпет 2005^a, 199].
- ²⁸ О Лотце у Попова и Шпета см.: [Попов 1926^a, 121–132; Шпет 2006, 371].
- ²⁹ Здесь и далее подчеркнута П.С. Поповым.
- ³⁰ См.: [Шпет 2005^a, 35–190].
- ³¹ См.: [Шпет 2009, 306–361].
- ³² См.: [Попов 1926^a, 99–132; Попов 1926^b, 133–156].
- ³³ В 1920 г. 22 мая Шпет читал доклад в Вольной академии духовной культуры на тему «Кризис философии». См.: [Щедрина 2014, 425].
- ³⁴ *Виноградов* Николай Дмитриевич (1868–1936) – философ, историк философии, педагог, психолог. Профессор Московского университета, секретарь Московского психологического общества. Правая рука Л.М. Лопатина, поскольку взял на себя многие из обязанностей по организации деятельности общества.
- ³⁵ См.: [Белый 1990, 267–273].
- ³⁶ *Топорков* Алексей Константинович (1882–1934) – философ, культуролог. Топорков окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1906 г. и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Л.М. Лопатин был научным руководителем Топоркова. О разладе Топоркова с Лопатиным см.: [Белый 1990, 271–272].
- ³⁷ Известна полемика об истолковании наследия В.С. Соловьева, развернувшаяся между философами. Отправной точкой полемики послужила книга кн. Е.Н. Трубецкого «Миросозерцание Вл.С. Соловьева» [Трубецкой 1913] и представлена несколькими статьями Е.Н. Трубецкого и Л.М. Лопатина (см.: Вопросы философии и психологии, кн. 119, 120, 123, 124). Анализ расхождений Лопатина и Трубецкого в понимании наследия В.С. Соловьева см.: [Половинкин 2013].
- ³⁸ *Рубинштейн* Моисей Матвеевич (1878–1953) – приват-доцент Московского университета, член Московского Психологического общества. Его обзор идей Лопатина см.: [Рубинштейн 1911/1912].
- ³⁹ *Викторов* Давид Викторович (1874–1918) – приват-доцент Московского университета, член Московского психологического общества, представитель философии эмпириокритицизма в России. См.: [Новоселов 2002].
- ⁴⁰ *Тимирязев* Климент Аркадьевич (1843–1920) – заслуженный профессор Московского университета (1902), популяризатор и историк науки, преподаватель и один из основателей Московских высших женских курсов, курсов профессора В.И. Герье. Председатель ботанического отделения Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии при Московском университете.
- ⁴¹ П.С. Попов не указывает инициалов Тутышкина. Вероятно, речь идет о старшем брате *Тутышкине* Петре Петровиче (1868–1937) – выпускнике медицинского факультета Московского университета, психиатре, психологе, педагоге, организаторе здравоохранения; мл. брат *Тутышкин*

Иван Петрович (1876–1939) – педагог, психолог, ученик Г.И. Челпанова. Преподавал в разные годы в образовательных учреждениях Анапы, Москвы, Самары и др., после 1921 г. жил и работал в Латвии.

⁴² *Шишкин* Николай Иванович (1840–1906) – физик и математик, приват-доцент Московского университета. Принимал активное участие в деятельности Московского психологического общества, публиковался на страницах журнала «Вопросы философии и психологии». Л.М. Лопатин посвятил серию статей анализу взглядов Н.И. Шишкина. См.: [Лопатин 1907–1908].

⁴³ *Хвостов* Вениамин Михайлович (1868–1920) – философ, социолог, доктор римского права, ординарный профессор Московского университета. Сопредседатель Московского психологического общества. Исследовал проблемы этики, психологии, методологии наук об обществе, философии истории.

⁴⁴ *Кубицкий* Александр Владиславович (1880–1937) – философ, переводчик, приват-доцент Московского университета. Специалист по истории древней и новой философии. Приятель Шпета и коллега по преподаванию на Высших женских курсах и Университете им. А.Л. Шанявского. С 1924 г. – заведующий секцией истории философии Института научной философии РАНИОН. В конце 1930-х работал в МИФЛИ.

⁴⁵ *Корелина* Надежда Петровна (1854–1940) – бессменный секретарь редакции журнала «Вопросы философии и психологии».

⁴⁶ Согласно § 6 Устава Московского психологического общества председатель избирался на годичном собрании сроком на три года.

⁴⁷ *Грушка* Аполлон Аполлонович (1869–1929) – филолог, профессор Московского университета, декан историко-филологического факультета Московского университета с 1911 по 1921 г. См.: [Скударь 2017].

⁴⁸ Книгоиздательская фирма, которая выпускала учебную и художественную литературу.

⁴⁹ См.: [Попов 1922].

⁵⁰ Статья не была опубликована.

⁵¹ Выборы состоялись на заседании 20 мая 1920 г. См.: [Ждан 2010, 37].

⁵² *Каптерев* Павел Николаевич (1889–1955) – сын профессора МДА Николая Федоровича Каптерева, друг о. Павла Флоренского, один из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры.

⁵³ *Соколов* Павел Петрович (1863–1923) – профессор МДА, действительный член Психологического общества.

⁵⁴ *Попов* Иван Васильевич (1867–1938) – профессор МДА, действительный член Психологического общества.

⁵⁵ *Ликсанов* Николай Кирьянович (1878–1969) – литературовед, публицист, библиограф. Профессор Петербургского, Саратовского и Московского университетов. Вице-президент (1922–1924) и заведующий двух отделов – литературы и библиографии ГАХН. См.: [Борисов, Тарасова 2010].

⁵⁶ Мнение А.Ф. Лосева о Шпете см.: [Шторх 2006, 327–328].

⁵⁷ «Папа вообще мог ядовито высмеять человека, особенно если подвергывалось какое-нибудь “удачное слово”... Так появилось его расхожее «Бели-Бердяев». П.С. Попова, который обстоятельно и спокойно говорил, он называл “скукиным сыном”. Как-то на заседании в ГАХНе, где очень нудно выступал докладчик и часто употреблял слово “по-моему”, папа предложил “от помощи перейти к делу”» [Шторх 1995, 233].

⁵⁸ Институт научной философии создан при факультете общественных наук Московского университета в марте 1921 г., первое заседание состоялось осенью. Г.Г. Шпет руководил Институтом с 1921 до весны 1923 г. 15 мая 1924 г. Институт вошел в состав РАНИОН, а после ликвидации последнего воссоздан как Институт философии АН СССР (1936).

⁵⁹ *Бабьин* Борис Николаевич (1881–1942) – приват-доцент Московского университета, член Московского психологического общества. Ученик Г.И. Челпанова. Был сотрудником (1921–1926) Института научной философии, возглавляемого Г.Г. Шпетом.

⁶⁰ Петр Витязев – псевдоним Седенко Ферапонта Ивановича (1886–1938). Возглавлял кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» (1918–1926), а после закрытия издательство «Мир». См.: [Шпет 2005⁹].

⁶¹ П.С. Попов также сотрудничал с «Колосом». См.: [Тихомиров 1925; Энгельс 1924].

⁶² См.: [Огнев 1922].

⁶³ В 1926 г. Попов возглавил Терминологический кабинет при разряде Общего искусствознания Академии художественных наук.

⁶⁴ Попов в 1925 г. женился на внучке Л.Н. Толстого Анне Ильиничне Толстой.

⁶⁵ «Большая дружба была у всей семьи с Анной Ильиничной Толстой – старшей внучкой Льва Николаевича. Она всегда приходила на вечеринки, которые бывали у нас, очень приятно пела под гитару русские и цыганские романсы. Потом она вышла замуж за философа Попова Павла Сергеевича и они приходили вместе иногда и без компаний» [Шторх 2012, 117].

⁶⁶ Волгин Вячеслав Петрович (1979–1962) – ректор Московского государственного университета (1921–1925).

⁶⁷ Статьи Шпета сохранились в личном архиве.

⁶⁸ Речь идет о философском ежегоднике «Мысль и слово».

⁶⁹ Имеется в виду работа Сергея Михайловича Лукьянова «О Вл.С. Соловьеве в его молодые годы: материалы к биографии».

⁷⁰ От лат. *conventum* – соглашение, договор, уговор.

⁷¹ Названная рецензия П.С. Попова на работу Лукьянова не была опубликована, хранится в ОР РГБ, в фонде Г.Г. Шпета.

⁷² П.С. Попов скорее всего описался и имеет в виду доклад Л.М. Лопатина на торжественном собрании университета в 1917 г. «Неотложные задачи современной мысли», поскольку «Настоящее и будущее философии» – доклад, прочитанный на торжественном заседании общества 21 марта 1910 г. и опубликованный в том же году. См.: [Щедрина 2008⁶].

⁷³ Чистового варианта рукописи статьи, с которым, по всей видимости, имел возможность ознакомиться П.С. Попов, не обнаружено. Результаты реконструкции текста отзыва см.: [Шпет 2010, 222–252].

⁷⁴ См.: [Шпет 2008; Шпет 2009].

⁷⁵ Шпет писал «Очерк развития русской философии» во второй половине 1921 г. См.: [Шпет 2005⁵, 474].

⁷⁶ В материалах Терминологического кабинета при разряде Общего искусствознания ГАХН содержатся сведения о проведенной выставке в Берлине «Наука СССР за 10 лет», которая включала библиографию русских работ по философии искусства и эстетике, литературоведению, музыке и изобразительным искусствам (См.: ОР РГБ 547-10-1, л. 4, 5).

⁷⁷ По воспоминаниям М.Г. Шторх, Шпет в 1922 г. был отстранен от преподавания в университете и внесен в список высылаемых из России. Через своего киевского знакомого, народного комиссара просвещения А.В. Луначарского Шпет единственный добился, чтоб его имя вычеркнули.

⁷⁸ Коган Петр Семенович (1972–1932) – литературовед, критик, переводчик, профессор Московского университета, президент ГАХН.

⁷⁹ Фамилия Ивановой-Еленевской упомянута среди технического персонала ГАХН в кратком обзоре СО ОГПУ антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции за 10 лет (Архив ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 517. Л. 1–145).

⁸⁰ Стрекнуть – быстро убежать (*прост.*).

⁸¹ См.: [Шпет 1934].

⁸² См.: [Шпет 2013].

⁸³ В фонде П.С. Попова в ОР РГБ сохранилась машинопись тезисов доклада Г.Г. Шпета «Искусство как вид знания». Первую реконструкцию положений доклада (1927) по архивным источникам предприняла Т.Г. Щедрина. См.: [Шпет 2007, 112–148].

⁸⁴ В рукописи фрагмент снабжен пометкой «проверить по книге».

⁸⁵ Шпетовский перевод был издан лишь в 1959 г. после реабилитации имени самого Шпета (с большой редакторской правкой), см. об этом: [Щедрина 2019].

⁸⁶ П.С. Попов имеет в виду [Беркли 1937], который вышел без указания имени переводчика.

⁸⁷ См.: [Шпет 2009, 206–298].

⁸⁸ Чернышев Борис Степанович (1896–1944) – окончил историко-филологический факультет МГУ (1920), аспирантуру Института научной философии (РАНИОН). Работал в ГАХН. С 1934 г. – профессор МИФЛИ. Как вспоминает П.С. Попов, Чернышев отправился в эвакуацию одним из первых. В 1942 г. директором Института философии АН СССР П.Ф. Юдиным Б.С. Чернышев был вызван из эвакуации для налаживания работы на философском факультете МГУ. См.: [Корсаков 2015, 181].

⁸⁹ События 15, 16, 17 октября 1941 г. в Москве, после выхода постановления «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», вошли в историю под названием «московской паники». 16 октября 1941 г. не открылись продуктовые магазины столицы, а метро было остановлено.

⁹⁰ Дынник Михаил Александрович (1896–1971) – философ, специалист по истории европейской философии, основные работы по истории древнегреческой философии. Лауреат Сталинской премии за главы в 3-томной «Истории философии» 1940–1943 гг. Дынник работал в Институте философии АН СССР в 1928–1930 гг., затем преподавал в МГУ и МИФЛИ.

⁹¹ Имеется в виду книга Шпета «Очерк развития русской философии».

Археографическая работа, примечания и публикация А.И. Семеновой